

НИК
ПЕРУМОВ

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

ЧЕРЕП НА РУКАВЕ

ЧЕРЕП В НЕБЕСАХ

НИК ПЕРУМОВ

ЧЕРЕП
В НЕБЕСАХ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

В оформлении обложки использована работа
художника *А. Матвеева*

Разработка художественного оформления *В. Матвеевой*

Перумов, Ник.
П26 Череп в небесах / Ник Перумов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-04-092850-7

Империя рушится. Инсургенты, прикрываясь идеями свободы и независимости, один за другим вырывают миры из-под власти кайзера. Самая трагическая из всех войн, гражданская, становится отныне судьбой миллионов. Приходит она и на родину Руслана Фатеева, планету Новый Крым, на штыках имперского десанта и на крыльях монстров, вырвавшихся из-под контроля создателей. Чудовища-биоморфы, люди-биоморфы, планеты-биоморфы... Сменят ли они человечество или кошмар еще можно остановить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092850-7

© Перумов Н., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Vixi et, quem dederat cursum fortuna, peregrī; Et nunc magna mei sub terras ibit imago¹.

Публий Вергилий Марон,
«Энеида», IV.

ИМПЕРСКИЕ НОВОСТИ

(Торжественный гром фанфар. Бравурный марш сменяется торжественной мелодией, с детства знакомой равно всем гражданам и всем поражённым в правах великой земной Империи — неофициальным гимном на выход Его Величества кайзера. Экран: полотнище имперского красно-бело-чёрного стяга, Орёл-с-Венком-и-Солнцем. Голос диктора полон неопишуемой значительности; так и кажется, что ттец всё время норовит подняться на цыпочки и вот-вот выскочит из начищенных до блеска лаковых туфель.)

— ...Сегодня в одиннадцать ноль-ноль по Столичному Времени началось посещение Его Императорским Величеством кайзером Вильгельмом III Академии Генерального

¹ «Я прожила, и тот путь, что судьба даровала, свершила. Ныне под землю сойду своею великою тенью». (Пер. А. Фета.)

штаба. Его Императорское Величество осмотрел классы, новую библиотеку Академии, спортивный комплекс, совершил прогулку по парку. После этого Его Императорское Величество выступил с традиционной речью перед выпускниками Академии, которые в эти тревожные дни срочно разъезжаются в войска.

(Экран: широкий коридор Академии, до блеска натёртый древний паркетный пол. Снова диктор, как бы вполголоса.)

— Бережно хранимая легенда гласит, что этот паркет составлен из досок, взятых в мэриях вражеских столиц: Варшава и Копенгаген, Париж и Прага, Осло и Белград...

(И тут же перебивает сам себя, переходя на торжественный и официальный тон.)

— Передаем выдержки из речи Его Императорского Величества...

(Экран: актовый зал Академии. Мрачного вида готические своды, белые оштукатуренные стены, пересечённые коричневыми деревянными балками. Вычурная резная кафедра, тоже очень старая, с имперским орлом, оседлавшим лавровый венок. Середина венка выглядит как-то странно, такое впечатление, что некогда там помещалось совсем иное изображение, сейчас тщательно убранное, поверх которого и наложили встающий солнечный диск. Глубина сцены затянута тёмно-зелёным занавесом, там застыли неподвижные фигуры в чёрных мундирах с серебряными аксельбантами. Снова поют фанфары. Из-за правой кулисы выныривают четыре офицера охраны в чёрном, оружие наготове; между ними неторопливо, с достоинством идёт худощавый пожилой человек, невысокий, лет шестидесяти на вид; он в мундире танкиста, над левым карманом — небольшая колодочка орденских лент. Человек носит витые погоны оберста с двумя четырёхугольными «ромбами» и цифрой «1» меж ними — император по традиции занимает пост почётного командующего Первого танкового полка Первой танковой дивизии рейхсвера. Слышен шум — невидимая аудитория, как один человек, поднимается с мест, и в следующий миг громкоговоритель чуть не лопается от слитного рева сотен глоток:

— Heil der Kaizer! Heil der Kaizerreich!

(Экран: Кайзер поднимается на трибуну. Поворачивается к аудитории, улыбается, вскидывает руку в известном римском приветствии. Он сухощав, подтянут, седые волосы ко-

ротко острижены по военной моде. Резкие морщины, тонкая линия бесцветных губ, волевой подбородок.)

— Mein herren, благодарю вас за прекрасную встречу. В этот трудный час она подарила мне надежду. Нет, не надежду и даже не веру — полную уверенность в том, что с такими офицерами и, конечно же, солдатами, которые им под стать, — наша неколебимая Империя не может не взять верх.

(Гром аплодисментов, крики «Zieg Heil!».)

— Но нам всем предстоят суровые испытания. Господа офицеры, вы — кровь и плоть армии, наших доблестных Вооружённых сил. На вас сейчас с надеждой смотрят хорошие фермер и ремесленник, рабочий в цеху и инженер за дисплеем. Вы знаете, что после трагических событий на планете Омега-восемь мы ввели во всей нашей Империи военное положение. Стали действовать многие весьма суровые его законы. Но — не все. Мы можем достать из-под спуда и остальной их пакет, о да, мы можем, как того требуют, к примеру, организации «Память и Гордость» или «Союз Изгнанных». Лишить мирных людей их прав и свобод, выжать их досуха, и всё — во имя победы. Но нужно ли нам это? Я считаю, что нет. С такими офицерами, как вы, — нет и ещё раз нет!

(Овация. Крики: «Да здравствует Император!»)

— Мы ограничились военным положением, не став вводить куда более жёсткий режим чрезвычайного или, тем более, осадного положения. Хотя, не скрою, многие в Бундестаге очень на этом настаивали. Особо-чрезвычайный режим сохраняется только в Восьмом секторе, там, где сейчас труднее и опаснее всего.

Империя сильна, сильна вами, такими, как вы, другими офицерами, что уже находятся на передовой, защищая мирный сон наших сограждан. Мы — сильны. И потому мы не пойдём ни на какие переговоры с инсургентами. Мы предлагали — и предлагаем — прекратить бессмысленное кровопролитие, распустить незаконные вооружённые формирования, сдать оружие и добровольно покинуть пределы нашей Империи. О да, нам прекрасно известно — они не остановятся. Но когда они окажутся за пределами наших планет, они уже не смогут отравлять сознание наших юношей и девушек своей псевдореволюционной риторикой, подталкивая их к противоправным шагам.

(Вновь аплодисменты.)

— Сильному нет нужды опираться на одни только штыки. Мы объявляем экономическую блокаду тех планет, что согласятся принять главарей бандформирований.

(Овация.)

— Само собой, мы пошлём дополнительные части в Восьмой сектор. И вы, господа, будете теми, кто поведёт в бой новые полки и дивизии!.. Но может случиться и так, что вам придётся, словно простым солдатам, взять в руки винтовку и сражаться на передовой. Мы должны быть готовыми к тому, что в сражение вновь, как и всегда в решительные моменты истории, пойдут офицерские полки! И пусть в этот час сияет нас слава наших предков, Гебхарта Леберехта фон Блюхера, победителя самого великого Наполеона Бонапарта, Отто фон Бисмарка, объединителя Германии, фельдмаршала фон Мольтке, создателя «мозга армии», Генерального штаба!..

* * *

— Чепуха, — сказал человек за столом напротив меня. Сказал по-русски, но с сильным акцентом. — Офицеров из Академии Генштаба не отправляют в бой так сразу. Они должны вернуться в части, сработаться, изучить людей, наладить взаимодействие... Боевое слаживание — слышал о таком? Что наше Славное Величество кайзер, да поразит его запор, хотел этим сказать? Если на передовую бросают училища или сводные офицерские полки из столичных академий, не надо иметь, как говорите вы, русские, «семь пядей во лбу», чтобы понять — дело дрянь.

— Нет, — ответил я. — Напротив, это прекрасный ход. Император или сам очень умён, или у него прекрасные советники.

— Почему?

— Потому что все — или почти все, кто умеет думать и анализировать, — решат именно так, как ты. Что дело Империи швах, что дыры на фронте приходится затыкать лучшим племенным материалом, потому что иначе рухнет уже всё и вся. Обычные части ненадёжны, в маршевых ротах волнения и так далее и тому подобное. Ведь признайся, ты так и подумал?..

— Гм... ну да, — нехотя кивнул мой собеседник. — Первый слой, открытый. Второй слой, истина.

— А там был и третий слой. Смотрите, как мы слабы. Смотрите, мы боремся из последних сил. Мы жертвуем даже офицерами Генштаба. Шлём их в бой, точно простую пехоту, иными словами — на убой. Ещё одно ваше усилие, и мы рухнем. Давайте, вводите в дело всё без остатка. Вам остался последний рывок.

— Но если ты так легко расшифровал этот третий слой — почему так уверен, что этого не сделают другие? — покачал головой человек напротив.

— Вот именно поэтому, — признался я, — я полагаю, что там есть и четвёртый слой. Понять его — и мы поймём, что на самом деле собирается предпринять Империя.

Человек напротив меня поднялся из-за стола. Он носил громадные, на пол-лица зеркальные очки, надёжно прятавшие глаза, простую солдатскую куртку без знаков различия, эмблем рода войск или какой-то отдельной дивизии. Встреча с ним стоила мне и моему отцу доброго месяца усилий — и немало, очень немало количества денег. Звали его Конрад, вернее, он назвался этим именем.

Да, прошло уже четыре с половиной недели, как я дома. Тридцать два дня надо мной — небо Нового Крыма. Братья и сёстры о моём возвращении ничего не знают. После *дела* на Шестой бастионной интербригады впали в какое-то странное оцепенение. Я не знал, уцелели ли милейшая Дариана Дарк вкупе с господином Кривошеевым, однако отец, приняв какие-то свои невнятные разыскания, посвятить в каковые меня он не счёл нужным, уверенно заявил, что «эти негодяи, несомненно, живы». Я, если честно, сомневался. Заряд в моей бомбе был изрядный. Разведчики отца пробрались в Шестую бастионную несколько дней спустя; внутри практически всё было выжжено.

И мы стали исходить именно из этого предположения — что они таки живы.

Отец, надо сказать, пришёл в неистовство, когда услышал о моём последнем выстреле.

— Ты должен был её прикончить, — то и дело повторял он, несколько театральным жестом хватаясь за голову.

Я отмалчивался. Что уж тут говорить — струсил, не смог принять греха на душу. Хотя по тем же убегавшим повстанцам на Сильвании стрелял без зазрения совести. Может, потому, что здесь, на Шестой бастионной, не было Дальки?..

А тем временем Империя медленно, но верно подтягивала войска к мятежному сектору. И здесь, на Новом Крыму, народ всю готовился к обороне.

Я же все эти дни сидел, как крот, у компьютера и просматривал хронику недавних событий.

Вот — объявление системы гражданской обороны: замечен неопознанный объект, вышедший на околопланетную орбиту. Доклады средств слежения — как оказалось, наша система контроля заатмосферного движения на высоких и низких орбитах значительно мощнее, чем требуется обычному космодромному диспетчеру, и способна выполнять задачи по раннему обнаружению, классификации и отслеживанию целей даже с минимальной эффективной отражающей поверхностью. Гражданская оборона — само собой, эвфемизм для наиболее массовой планетарной военизированной организации. По договору с Империей Новый Крым имел свою собственную криминальную полицию и отряд быстрого реагирования ограниченной численности, «замотивированный» необходимостью борьбы с оборотом наркотиков, как химических, так и электронных. Гражданская оборона же официально создавалась «для борьбы с последствиями глобальных и локальных природных и техногенных катастроф, ликвидации последствий цунами, землетрясений, извержений и ураганов». К отрядам «спасателей» было приписано чуть ли не всё взрослое мужское население.

Итак, объявлено «состояние готовности». Мобильным отрядам спасателей, иными словами — призыву первой очереди, пользуясь старыми мобилизационными терминами, — предписано перейти на казарменное положение. Интербригады заявляют, что «всецело поддерживают позицию и меры, принимаемые правительством Нового Крыма, и готовы немедленно передать под его команду все свои части».

Как выяснилось впоследствии, всё получилось с точностью до наоборот. Не интербригады оказались под командой правительства, а все силы Нового Крыма встали под знамёна интербригад.

Дариане Дарк хватало ума держаться в тени и не светиться в центральных сетях. Я полагал, что втайне она прибыла на Новый Крым заранее — где и приняла команду над всеми своими формированиями. Места, подобные Шестой бастионной батарее, очевидно, тоже готовились заранее, туда завозились припасы и тому подобное. Сейчас укрепления оставалось только занять.

А потом в хронике «ворвались» «матки».

Панорамные фото, снимки с орбиты, доклады постов слежения. Почти наверняка подделка — путь «маток» окончился на Иволге, они не пошли дальше. Отец говорил, что «зародыш» неспешно вызревал где-то в одной из речек Сибири, запружённой руками поделщиков Дарианы, а потом готовый монстр был аккуратно и без лишнего шума спущен в океан.

Громада «матки», плавно и величественно опускающаяся в наше знаменитое, ярко-синее тропическое море. Тоже подделка, компьютерная имитация, способная нарисовать любую картинку так, что не отличишь от настоящей. Вернее, отличишь, но для этого потребуется настоящая экспертиза.

Патрульные катера, на полном ходу зарывшиеся в волны по самую палубу. Всплески от падающих рядом с «маткой» лёгких снарядов — такие используются, чтобы отгонять от стад хищных кракенов и зубастых китов. Это уже, скорее всего, правда. Катерники — особая каста на Новом Крыму, и интербригады там не имели большого влияния. Так что, начиная отсюда, почти уверен, идёт правдивая хроника.

Разумеется, никакого вреда «матке» лёгкие снарядики с наших МО¹ причинить не могли; хроника преследовала исключительно одну-единственную цель: показать героизм «простых стражей планеты».

Тварь тяжело рухнула на океанское дно. А четыре дня спустя bestия выползла на берег — в какой-нибудь сотне километров от Нового Севастополя. По странной случайности именно там, где располагалось одно из старых укреплений, подобных Шестой бастионной.

Бой новосевастопольского ополчения и интербригад с наступавшими монстрами был зафиксирован со всеми мысли-

¹ МО — морской охотник.

мыми подробностями — словно и не хронику с риском для жизни снимали репортёры.

...Море раздвинулось, волны вскипели, из пены на песок ринулись знакомые нам ещё по Иволге орды. Однако крылатых бестий отчего-то не появилось, да и тех, что топтали нежно-розовый песок пляжа, словно специально создавали, чтобы человеческому оружию было легче с ними справиться.

Нет, тут тоже хватало и когтей, и зубов. И, когда зелёно-коричневая волна чудовищ докатилась до ополченцев, крови и оторванных конечностей хватило с избытком. Камеры выбирали самые выразительные ракурсы. Я видел, как пулемёты интербригад косили надвигавшиеся на них шеренги — кажущиеся бесконечными ряды оскаленных клькастых пастей, роговых гребней, как падали не успевшие занять место в строю парни и девчата, как и их убийцы в свой черёд гибли, поражённые разрывными пулями.

...Геройский бой длился до темноты. Когда над полем сражения разгорелась вечерняя заря, невидимая Дариана Дарк, словно опытный режиссёр, скомандовала финал. И — я должен был признать, этот самый финал поставлен был мастерски. Как в хорошей мелодраме.

Бьют пулемёты, расчищая интербригадовцам проходы. Группа человек в пятнадцать выныривает из окопов, с криками «ура!» бросается в прорыв; они совершенно явно жертвуют собой. У меня невольно сжимались кулаки, когда я видел — ребята на самом деле добежали до «матки». Что у них были за гранатомёты — я не понял, хотя просматривал ролики по десять раз. Во всяком случае, броня «матки», с которой не могла справиться тяжёлая артиллерия имперцев, этим гранатомётам поддалась. Правда, тоже не сразу. Кумулятивные заряды били в одно и то же место, на горстку смертников уже наваливались со всех сторон многообразные краборакки и ракочуды, спасения не было — и тут доспехи «матки» наконец-то поддались. Падали мальчишки и девчонки с гранатомётами, падали, до последнего отстреливаясь и прикрывая собой худенькую блондинку со смешными косичками, которая, оставшись одна, широко размахнулась, забрасывая внутрь раны на боку «матки» нечто металлическое, камуфляжно-зелёное, продолговатое...

В следующий миг светлые косички окрасились кровью, брызнувшей из перерезанных чудовищной клешней артерий, фигурка в серой штормовке переломилась надвое, будто хрупкая игрушка в грубых нетерпеливых руках, — и в следующий миг исчезла в облаке взрыва. Заряд, который закинули внутрь «матки», поистине внушал уважение.

Я не сомневался, что ту же операцию можно было проделать и без подобного драматизма. Не бросая на смерть мальчишек и девчонок, лучших мальчишек и девчонок Нового Крыма, безоглядно верящих в Дариану Дарк и готовых ради неё на смерть, сколь угодно мучительную. Но Дариане нужно было эффектное и кровавое представление; помните: «...дело прочно, когда под ним струится кровь»? Она не колебалась. Планета увидела небывалое, и после этого авторитет интербригад вообще и Шестой интернациональной в частности стал абсолютно непререкаем.

А Дариана Дарк по-прежнему держалась в тени, не появляясь на публике, не принимая участия в торжествах по случаю «победы». Не спеша, но и особо не мешкая, она готовила свой арсенал. Новому Крыму, как я сильно подозревал, отводилась роль «корзинки с завтраком» для новоявленной Федерации. Моря Нового Крыма могли прокормить очень многих. На шельфе водились не только деликатесные ползуны, но и самая простая рыба, которую наши сейнеры не считали даже за добычу. Восемьдесят процентов продукции давали морехозяйства, они гораздо безопаснее с точки зрения экологии, однако если раскрутить на полную мощность маховик лова в открытом океане, на богатых банках, рудничные планеты не будут знать недостатка в пище. Особенно если свернуть производство деликатесов и заняться солдатскими рационами. Разумеется, на время, пока у нас самих, на Новом Крыму, не начнётся бог весть что...

И для того, чтобы это не началось, мне следовало действовать незамедлительно. Я, конечно, имею в виду «незамедлительно по получении точной разведывательной информации».

Нападение наше на Шестую бастионную наделало шуму и в прямом, и в переносном смысле. Не так-то просто скрыть стрельбу из десятков стволов, считай, под самыми стенами

столицы. Невозможно и скрыть гибель людей от их товарищей.

Тут придётся признать, что Дариану мы недооценили. Она не попыталась это замолчать. Атака на Шестую бастионную в единый миг сделалась главной темой новостей. «Фашистские прихвостни» и «предатели дела свободы», на чьи проски свалили штурм, попытались трусливо, подло и коварно напасть на старый форт, подготавливаемый к отпору на случай вторжения имперских войск. Атака коллаборационистов отбита с большим для них ущербом, однако погубило и немало доблестных защитников Нового Крыма; всё время грозились объявить «имена пособников и предателей», но пока что никаких открытых действий против нас Дариана не предприняла. Хотя...

Имя Юрия Фатеева замелькало в новостях, и имя это всякий раз оказывалось связано с чем-то более чем неприглядным. Не торопится, мол, в отличие от других «именитых граждан», пожертвовать часть своих баснословных богатств на дело свободы, непонятно для чего содержит личную армию, вооружённую до зубов, и притом отнюдь не спешит передать свои отряды под контроль законного правительства; впрочем, чего же ждать от человека, чей старший сын служит фашистам, в самой отвратительной эсэсовской дивизии «Мёртвая голова»...

Не питая никакой любви к дивизии Totenkopf, замечу, что она таки не была самой отвратительной. По числу расправ с мирным населением сто очков вперёд ей дала бы другая дивизия — «Галичина»...

Пока это было только устно. Но в Думе уже готовился соответствующий депутатский запрос главному прокурору, а недавно образованный думский комитет по национализации вдруг очень озаботился эффективностью использования в военное время крупных морехозяйств, сосредоточенных в частных руках и не осуществляющих массивированных поставок для Вооружённых сил Федерации.

Дариана действовала с похвальной расторопностью.

Но пока что всё, предпринятое против нас, вполне укладывалось в определённый шаблон. Ощущался исходный приказ Дарианы, но не чувствовалось её личной и окончательной шлифовки операций.

Времени у нас оставалось немного. Скоро Дарк оправится окончательно. И тогда церемониться уже не станет. От показательного процесса она точно не откажется.

Отец, конечно же, отвечал. Из-за разрыва с Империей он не мог заявить, что его старший сын дезертировал, но, разумеется, распускать свою маленькую армию не собирался. Потому что атаки можно было ожидать в любой момент. Кроме того, им прикормленные журналоги выдали несколько статей, куда более желчных и разоблачительных. Уж чего-чего, а компромата у отца всегда хватало. И притом на всех. Как он при этом ухитрялся сам выходить сухим из воды, я не знаю, но факт: в сети валом замелькали записи весьма высокопоставленных людей, которые либо занимались сексом с малолетками обоих полов, либо бессвязно молили языками в наркотическом угаре, либо... А вот на отца никто при всём желании ничего накопать не мог, и все крики, что записи — подделка, разбивались об оценки независимой экспертизы. Прокуратура начинала расследования, ей просто некуда было деваться. А Дариана Дарк могла только скрипеть зубами от злости. Пока правила игры существовали, она ничего не могла с нами сделать. Конечно, донельзя соблазнительно — объявить всю Думу Нового Крыма коррупционерами, предателями и имперскими агентами, разогнать её к чёрту вкупе с судом, прокуратурой, коллегией адвокатов, независимой экспертизой, Ревизионной палатой, арбитражем, комиссией по деловой этике и так далее и тому подобное. Заманчиво, но пока что и Дума, и прочие институты стояли на её, Дарианиной стороне; распусти их — и на планете неизбежно гражданское столкновение, чего имперцы только и ждут. И пойдут они тогда набивать трюмы идущих на Сва-арг каторжных транспортов и новокрымчанами, и интербригадовцами вперемешку.

...В тот день, когда мы начали поиски сидящего сейчас передо мной человека в зеркальных очках, отец как-то криво улыбнулся, хмыкнул и достал из сейфа старую-престарую записную книжку. Не наручный компьютер, не электронный блокнот — бумажную записную книжку в потёртом кожаном переплёте, светло-коричневом, с вытесненным на обложке двуглавым орлом. Уголки переплёта окованы металлом — за-